

В. Э. Молодяков

«Книги имеют свою судьбу». Банально, но от того не менее верно. Верно и то, что книги влияют на судьбы людей, причем порой через много десятилетий.

В 14 лет я начал собирать старые книги. Случайно или нет, но первой из них были «Корни японского солнца» Бориса Андреевича Пильняка (1894–1937), выпущенные ленинградским издательством «Прибой» в 1927 г. Тогда автор интересовал меня больше, чем предмет изложения – вояж в Японию в 1926 г. Чуть позже на полке появились «Камни и корни», изданные «Худлитом» в 1935 г., – итог второй поездки в 1932 г. Увлечение Пильняком прошло быстро, интерес к Японии остался на всю жизнь.

Первую научную статью, опубликованную в 1989 г. в «Проблемах Дальнего Востока», я посвятил Пильняку и его книгам о Японии – еще не переизданным и мало кому известным. Ничего особо выдающегося в статье не было, но ее предварительно прочитал и одобрил Борис Борисович Андроникашвили-Пильняк, сын писателя и сам писатель, «автор ярких, светлых и веселых повестей и рассказов, тонко повествующих о серьезных вещах», как говорилось в одном из некрологов по поводу его безвременной кончины в 1996 г. До сих пор помню, как он похвалил «галльскую ясность» моего творения. В 1995 г. журнал «Знакомьтесь – Япония» перепечатал книгу Б.Пильняка «Корни японского солнца», воспользовавшись моим экземпляром. Наконец, в 2004 г. появилось научно подготовленное издание с подробным комментарием французской исследовательницы Дани Савелли, к которому мы еще не раз обратимся.

Борис Пильняк был одним из популярнейших прозаиков 20-х годов, признанным, несмотря на «советскость», даже в эмиграции. Дореволюционные дебюты и первый сборник рассказов «С последним парходом» (1918 г.) прошли незамеченными, но в начале 20-х годов Борис Андреевич ворвался в литературу подобно вихрю. Роман «Голый год», книга рассказов «Былье», повести «Расплеснутое время» и «Третья столица» всего за несколько лет сделали его знаковой и даже культовой фигурой новой русской прозы, отразившей реалии послереволюционного «расплеснутого времени».

По принятой в то время терминологии Пильняка называли «попутчиком» – «тем, кому по пути с революцией», как он сам объяснял это

слово японцам в 1926 г. «Попутчики» располагались посередине между «пролетарской» и «буржуазной» литературой. Пильняка относили к «правым попутчикам», ближе к «классовому врагу». Читатель его любил, критика больше ругала, советская власть и привечала, и одергивала. Такие люди были нужны ей в качестве «большевизма с человеческим лицом».

Свободный выезд за границу из Советского Союза к 1923 г. постепенно сошел на нет, особенно если это касалось людей известных. С каждым годом гайки закручивались все туже. До конца 20-х годов на выезд требовалось разрешение, получение которого мотивировалось творческой необходимостью и обуславливалось наличием «правильных» контактов за рубежом. В 30-е годы писатели ездили за границу не столько по собственному желанию (с ним уже мало кто считался), сколько в «командировки» с конкретными поручениями, что, впрочем, практиковалось и раньше. Художник Юрий Анненков (первый иллюстратор «Двенадцати» Блока) вспоминал, с каким удовольствием его приятель Владимир Маяковский предавался радостям «буржуазной» жизни во Франции, включая азартные игры. Поведение поэта никто не контролировал (по крайней мере, это не бросалось в глаза), но нынешний приезд и разрешение на следующий надо было «отработать» соответствующим количеством разоблачительных виршей, что Владимир Владимирович исправно делал... и чего немного стеснялся при новой встрече с Анненковым.

Пильняк был «выездным» до середины 30-х годов. Два его приезда в Японию отлично укладываются в приведенную схему.

«Корни японского солнца» – книга поэтичная и совершенно аполитичная. «Политика» в ней присутствует лишь постольку, поскольку автора принимали в Японии сначала как посланца советской литературы и только потом как лично «Пирияку-сан» (его произведения только-только начали переводиться на японский язык). Отдавая себе в этом отчет, он писал: «Все, что выпало мне в Японии, я принимаю никак не на мой счет, а на счет нашей советской общественности, представителем которой я был там»¹. «Камни и корни» – книга предельно политизированная и производящая впечатление торопливого черновика, «материалов к роману», хотя автор писал ее не впопыхах и несколько раз перерабатывал текст. Это обуславливалось и социальным заказом, и творческими задачами, которые в тот момент ставил перед собой автор. Новое время – новые песни.

В Японии Пильняк и его спутница – актриса Ольга Щербиновская, которую он представлял как жену, находились под постоянным и от-

¹ «Корни японского солнца» цитируются без дополнительных сносок по изданию 1927 г., «Камни и корни» – 1935 г.

кровенно докучавшим им надзором полиции². Визитер из Советской России – всего через полтора года после восстановления дипломатических отношений – казался японским властям «опасным большевиком» и «красным агитатором». «Мы будем неотступно следить за ним и вынудим его уехать» – подобными фразами пестрят документы японского министерства внутренних дел³, хотя посольство в Москве выдало ему визу с соблюдением всех необходимых формальностей. «Японское правительство явно преследует цель отбить у красных охоту посещать страну» – записывал 27 марта 1926 г. французский посол в Токио и знаменитый поэт Поль Клодель (Савелли, с. 224). Доходило до смешного: на перроне Токийского вокзала местным литераторам и сотрудникам советского полпредства пришлось встречать Пильняка в полном молчании, чтобы избежать «демонстраций». Только переводчику Осэ Кэйси полиция разрешила сказать: «С приездом». А то совсем уж нехорошо получалось...

И тогда, и сейчас многих занимал вопрос: кто послал Пильняка в Японию? Д. Савелли, изучившая материалы как российских, так и японских архивов, убедительно доказала, что никто его специально не посылал: японские писатели, а именно Японско-русское литературно-художественное общество (ЯРЛХО) Бориса Андреевича пригласило, советские власти – отпустили. Народный комиссариат по иностранным делам (НКВД) и Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС) проявили определенный интерес к поездке, но особого содействия писателю не оказали, хотя он объективно «работал» на них.

«Культурные связи – одно из немногих средств улучшения наших отношений с Японией», – писал 29 июня 1928 г. полпред в Токио А. А. Трояновский заместителю наркома по иностранным делам Л. М. Карахану, который отвечал за дальневосточные дела (Савелли, с. 169). Через четыре с половиной года ту же мысль повторил представитель ВОКС (в ранге первого секретаря полпредства) М. Г. Галкович: «Я не рассматриваю наши культурные отношения как нечто изолированное от наших политических задач, они во многих пунктах друг с другом переплетаются, вот почему дела культурные имеют, конечно, и политическое значение» (Савелли, с. 169). Схожей точки зрения придерживался, например, Гото Симпэй, который в первой трети XX в. сделал для развития русско-японских отношений больше, чем любой другой японец его и нескольких следующих поколений. После концерта скрипача

Наума Блиндера он сказал: «Через подобное искусство осуществляется близость и дружба Японии и России»⁴.

Проявили интерес к Пильняку и японские газеты – опять же как к «советскому», потому что «советское» было в моде, а прямо «коммунистическое» – под запретом. Для газет это был бизнес, для литературных и культурных обществ – залог успеха их деятельности. «В Японии реклама – это все», коротко и четко писал в Москву советский консул в Кобэ (Савелли, с. 176). Любовью ко всему новому особенно отличалась «Осака Асахи», в рекламных целях организовавшая летом 1925 г. перелет Токио-Рим через территорию Советского Союза. Отклик «Известий» (30 августа) на их появление в Москве был многозначительно озглавлен «Японские летчики – вестники сближения». Статья, значение и содержание которой далеко выходили за рамки конкретного повода, появилась без подписи, но написал ее не кто иной, как... нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин⁵. Насколько известен тогда был факт его авторства, я, к сожалению, не знаю.

Тема авиации возникла здесь не случайно. Пильняк летал из Токио в Осака на двухместном самолете, принадлежавшем «Асахи». Оба издания газеты – токийское и осакское – напечатали его фотографии в костюме авиатора. Что и говорить, отличная реклама! А писатель, попавший в воздушную бурю, набрался потрясающих впечатлений, которым посвятил заключительную часть книги.

Во время пребывания в Японии Пильняк активно печатался в местных газетах. Его статьи, написанные по горячим следам увиденного и составившие позднее основу «Корней», немедленно переводились на японский и принесли автору неплохой доход. Гонорары, как советские, так и иностранные, позволяли ему жить на широкую ногу. «Он имел в своем распоряжении столько времени и денег, сколько хотел» (Савелли, с. 227). Именно это обстоятельство смущало японскую полицию, наводя ее на мысль о «секретных фондах Коминтерна».

До поездки в Японию Пильняк успел поехать по Европе. Несмотря на беспартийность, «буржуазные замашки» и некоторую склонность к эпатажу – как в литературе, так и в жизни – он был на хорошем счету у властей. «По-моему, таким писателям, как Пильняк, надо давать говорить целиком все, что они думают, – писал 3 декабря 1923 г. нарком просвещения А. В. Луначарский начальнику Главлита П. И. Лебедеву-Полянскому (в писательской среде того за глаза называли «Лебедев-Подлянский»). – Если он ляпнет что-нибудь неприемлемое, попробем его через критику. Надо стараться о том, чтобы дать писателям возможно большую свободу слова, ограничивая их только в самых крайних случаях,

² Во время второго приезда писатель нашел, что японская полиция «очень европеизировалась. Шпики, явно приставленного, в 32-м году я видел всего лишь один раз», однако некоторые из его прежних знакомых уже оказались в заключении».

³ Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. – Пильняк Б. Корни японского солнца. М., 2004, с. 221. Далее ссылки на это издание в тексте (Савелли) с указанием страницы.

⁴ Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 455–460.

⁵ Цит. по: Иоффе А. Е. Международные связи советской науки, техники и культуры, 1917–1932. М., 1975, с. 327.

когда становится совершенно ясно, что та или иная фраза, слово или произведение, являются чуть-чуть прикрытой контрреволюционной прокламацией или наглой порнографией. Во всех остальных случаях цензура не должна быть пускаема в ход по отношению к художникам. Я имею основание думать, что так смотрят на это руководящие умы нашей партии, а не только один я»⁶. Среди партийных вождей, ценивших Пильняка, первым надо назвать Троцкого, который хвалил его в печати и защищал его книги от цензуры. В 1922 г. вопрос о конфискации уже напечатанной книги Бориса Андреевича «Смертельное манит» обсуждался... на Политбюро, членам которого было предписано ознакомиться со спорными произведениями⁷. Как будто им больше нечего было делать!

Настоящий гром грянул летом 1926 г. с появлением в «Новом мире» «Повести непогашенной луны» о смерти командарма Григорьева на операционном столе. Мало-мальски осведомленные современники видели в этом прозрачный намек на смерть наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе в конце 1925 г. Предвидя возможные кривотолки, Пильняк в предисловии поспешил откреститься от подобной аналогии и посвятил повесть видному партийному критику А. К. Воронскому, но это никого не ввело в заблуждение. Майский номер «Нового мира» за 1926 г. был конфискован, а издание сборника рассказов, включавшего повесть и уже оплаченного Госиздатом (с этими деньгами Пильняк приехал в Японию), остановлено. Воронский публично и не слишком деликатно отказался от посвящения. Эмигрантские издания срочно начали перепечатывать «Повесть» как «правду о смерти Фрунзе» (передо мной – приложение к софийской газете «Русь», где повесть уместилась в два газетных листа, сфальцованных в брошюру). Секретный циркуляр Главлита от 27 мая 1926 г. за подписью Лебедева-Полянского гласил: «Впредь до особого распоряжения не допускать помещения произведений Пильняка в толстых партийно-советских журналах и сборниках и вычеркивать фамилию названного писателя из списка сотрудников этих журналов»⁸. Автору пришлось долго каяться, но на этот раз «пронесло». В годы перестройки запретная повесть стала едва ли не самым известным произведением Пильняка – непременным атрибутом его «изборонок» и основой для художественного фильма.

Вторая поездка Бориса Андреевича в Японию – с 6 мая по 18 июня 1932 г. – совсем другое дело. Можно встретить утверждения (со ссылкой на дневник К. И. Чуковского), что она была «навязана» писателю Сталиным и Караханом. Слово «навязана» здесь явно не подходит: путешествовать Пильняк любил и готов был «отрабатывать» поездки и

лекциями, и книгами, о чем сам не раз писал в инстанции. Сейчас от него требовалась не просто «книга о Японии», но такая книга, которая отвечала бы политическим расчетам вождя и его соратников.

Дело было еще в том, что через несколько лет после возвращения из Японии Пильняк снова «проштрафился» (его собственное выражение из письма по поводу «Повести непогашенной луны»). В 1929 г. он опубликовал в берлинском эмигрантском издательстве «Петрополис» (выпуская также произведения советских авторов, причем в основном пиратские) повесть «Красное дерево», запрещенную Главлитом. Итогом стала мощная пропагандистская кампания, под молот которой вместе с Борисом Андреевичем угодили Евгений Замятин за роман «Мы», опубликованный в США в 1924 г. и в пражском журнале «Воля России» в 1927 г., и Анатолий Мариенгоф, напечатавший в том же «Петрополисе» в 1928 г. роман «Циники», издание которого в Ленинграде было остановлено. Возмущенные травлей, Замятин и Пильняк заявили о выходе из Всероссийского союза писателей. Для Замятина, наиболее упорного из троих, дело закончилось прекращением издания его собрания сочинений, перекрытием возможностей печататься, письмом Сталину и отъездом за границу с разрешения властей (фактически – высылкой) в 1932 г. Мариенгофу пришлось покаяться за первый роман, хотя его рукопись была передана в Берлин с разрешения Главлита, и тихо радоваться, что появление его второго романа «Бритый человек» в «Петрополисе» в 1930 г. прошло незамеченным. Репрессии его минули, но из «литературного процесса» он выпал раз и навсегда.

Пильняк покался, и ему поверили. Повесть «Красное дерево», впервые напечатанную в СССР только в 1989 г., он в переработанном виде включил в роман «Волга впадает в Каспийское море», благополучно изданный в Москве в 1930 г. Кстати, в этой повести место действия – русская провинция – характеризуется словами «Город – русский Брюгге и российская Камакура». Завершилось издание восьмитомного собрания сочинения. Но Пильняк срочно принялся писать очерки о «стройках коммунизма» – быстро, идеологически выверено и «производственно» – с обилием фактов и цифр. Сегодня это почти невозможно читать. Несколько раз ездил за границу, привезя из США в 1931 г. «американский роман» «О'кэй» и знаменитый среди московских писателей «форд», а из Японии – «Камни и корни». Ему недвусмысленно дали понять, чего от него ждут. Он стал солдатом имиджевой войны.

В 1926 г. Пильняк увидел относительно процветающую и благополучную страну. Увидел глазами писателя, особо не пленявшегося дешевой экзотикой в духе «колониальных романов» Пьера Лоти или Клода Фаррера, хотя более серьезные певцы «живописной Японии» вроде Лафкадио Херна оказали на него несомненное влияние. Как настоящий писатель, оказавшись в чужой стране, он записывал не только свои впечатления, но и рассказы сопровождавших его людей, поверья

⁶ Из переписки А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского. – De visu. 1993, № 10.

⁷ Фрезинский Б. Литературная почта Карла Радека. – Вопросы литературы. 1998. № 3.

⁸ Из переписки А. В. Луначарского и П. И. Лебедева-Полянского. – De visu. 1993, № 10.

и преданья. В отличие от многих предшественников Пильняк почти ничего не напутал, а в редких случаях его поправлял или дополнял в своих «глоссах» японовец Р. Н. Ким. Он же написал о «Японии № 2», прошедшей мимо Бориса Андреевича, – о положении рабочего класса и истории революционного движения. Автор «Корней» только заглянул на шелкопрядильную фабрику (по данным полиции, пристально следившей за гостем, всего на десять минут), и то сделал это по настоянию принимавшего его «левого» писателя Акита Удзяку. «Возможно, жизнь рабочих подскажет интересный сюжет» – записал Акита в дневнике (Савелли, с. 209). Но Пильняка это совершенно не заинтересовало.

Главное чувство, переполняющее «Корни», – удивление. Удивляло то, что «сверстница Греции, племянница Ассирии и Египта» – простим автору некоторую вольность, обусловленную, видимо, знакомством с легендарной, а не исторической хронологией, – еще существует. И не просто существует, а, будучи, по европейским понятиям, на краю земли, рвется в будущее. Но больше удивляло то, что эта страна, «имеющая супердредноуты, газеты с миллионными тиражами и вертикальные тресты, одной ногой еще стоит в средневековье». «Европейское» в Японии, пусть и переделанное на местный лад вряд ли могло поразить Пильняка. Поразило свое, неповторимое. И то, что «Япония нашла в себе силы стать молодой страной – силы, указывающие на то, что у этой страны очень много *молодости*» (курс. наш – В. М.). «Япония больше всех сохранила свои национальные черты – и больше очень и очень многих стран, виденных и знаемых мною, Япония готова выйти из-за заборов национальной своей культуры на большую дорогу – культуры не национальной, а человеческой Земного Шара».

В 1926 г. от Пильняка не требовали «разоблачений». От него вообще ничего особо не требовали. Ортодоксальная критика в «Правде» 24 июня 1927 г. раскритиковала «Корни» устами профессора-японоведа Олега Плетнера, брат которого Орест к тому времени благополучно осел в Японии: «Настоящей, живой и реальной Японии он не увидел. Все неверно, все фальшиво в этой книге. Хуже того. Он видит Японию через ложные очки правых японских деятелей, он пишет строчки, достойные только японского ура-патриота... Мы считаем (своим) долгом обратить на это внимание “советской общественности”, предупредить ее, что эта книга не только неверная и фальшивая, но и просто вредная книга... Итого – быт Японии в книге не отражен. Изображено что-то фальшивое, неверное, играющее на руку японскому империализму. Советская общественность должна отказаться от согласия с таким освещением Японии».

Через десять лет такой донос стоил бы писателю жизни. Однако, 3 июля Плетнеру на тех же страницах ответил П. Ф. Сапожников, – между прочим, заместитель заведующего подотделом пропаганды Агитпропа

ЦК ВКП(б): «Мне кажется суровым и неверным утверждение проф. Плетнера, что очерки Пильняка – книжка сплошь “вредная” и “играющая на руку японскому империализму”... Пильняк все же попутчик, а не враг. Он ездил по Японии... чувствуя себя представителем советской общественности, не пролетарской, конечно, общественности, и, тем паче, не коммунистической, но все же советской... Рассуждения Пильняка по части социологии беспомощны, слабы и совершенно неверны, (но)... Пильняк рассказывает нам об интересе японской интеллигентной общественности к Советскому Союзу и к советской культуре, Пильняк упоминает о революционных японских писателях... Пильняк говорит об упорстве и организованной воле японского труда... Пильняк далеко стоит от нашей, пролетарской общественности. Но Пильняк находится все же в пределах советской общественности, и суровая критика его произведений, бичуя его недостатки, не должна нарушать “меру”». Рядом была напечатано краткое письмо самого писателя в редакцию, о том, что он «никак не может считать себя “империалистом”», а своих «токийских товарищей главным образом наших советских деятелей» – «ура-патриотами»⁹.

На этом полемика закончилась. Помнил ли Пильняк о ней, когда писал «Камни и корни», точно сказать не берусь. Но некоторые «подсказки» относительно того, как надо перестроиться, в ней были – и у Плетнера, и у Сапожникова. Переиздавая «Корни японского солнца» в 1930 г. в собрании сочинений, автор внес в текст некоторую правку, но не настолько значительную, чтобы пришлось говорить о новой редакции книги. Переписыванием ее он занялся после второго вояжа.

«Корни японского солнца» вписываются в прозу Пильняка середины 20-х годов. «Камни и корни», законченные в 1933 г., входят в его очерки 30-х годов, которые явно были не велением души, но средством реабилитировать себя в литературе и получить возможность спокойно работать над главными книгами – романами «Созревание плодов» (опубликован в 1936 г.) и «Соляной амбар» (закончен в 1937 г.; впервые полностью опубликован в 1990 г.). «Корни японского солнца» – при всей фрагментарности, вообще присущей художественной манере Пильняка, – производят впечатление цельного и продуманного произведения. «Камни и корни» больше похожи на писательский блокнот: десятки выписок из газет, «ликбезовская» информация о политических партиях, пересказ современных японских романов и пространные цитаты из них и даже... таблицы распределения земельных богатств и расходов на обработку единицы сельскохозяйственных площадей. Мало того, что в книге нет ничего художественного: она – результат «превращения писателя в машину, автомат, воспроизводящий то, что от него ожидают» (Савелли, с. 245). В ней почти нет ничего личного, за

⁹ Обе статьи и письмо Пильняка перепечатаны в издании «Корней» 2004 г. (с. 267–273).

исключением яркого, хотя и по-пильняковски клочковатого, описания военного мятежа 15 мая 1932 г.

Главное «личное» в новой книге – ожесточенная полемика с... «Корнями японского солнца». Сначала речь идет о вещах вполне объективных: «Между теперешними днями и теми днями, когда я впервые был в Японии, лежит без малого десятилетие (между поездками – шесть лет, между книгами – восемь. – В. М.). Это – не только время, когда менялась Япония, но в первую очередь время, когда менялся советский писатель, учился и рос вместе со своей страной и своей эпохой». Что это было за время – мы знаем. «Писателям нашей эпохи нельзя обходить историю и нельзя отставать от нее», – повторял Пильняк как заклинание.

Дальше начинается самобичевание: «Я должен заявить сейчас советскому читателю, что “Корни” – неверная книга. Я прошу читателей выбросить с их книжных полок седьмой том моего гизовского “собрания сочинений”. Что касается переводов этой книжки, я прошу в первую очередь уничтожить ее японский перевод». Плетнер был бы доволен, если бы не умер в 1929 г.

Понятно, что это – риторическая фигура. Однако неосторожно сказанное имеет обыкновение сбываться. Через пять лет после поездки и через два года после выхода второго издания «Камней и корней» Пильняка арестуют и еще через год расстреляют. Тогда с книжных полок будет выброшен не только «седьмой том», но и все остальные. Книги Бориса Андреевича будут находиться в спецхране в течение 20 лет, а многие и полвека.

Пильняк бичует не только себя, но и всех остальных европейских воспевателей «живописной Японии», которых много переводили и читали в России: «Писателей порядка Пьера Лоти, Клода Фэррера, даже Бернгарда Келлермана за его путешествие вокруг мира в шесть месяцев и, само собою, автора «Корней японского солнца» – следовало бы привлечь к суду за диффамацию, сделать бы им снисхождение по милосердию за их безграмотность, в тюрьму на первый раз не сажать, но – лишить права публиковать свои вещи впредь до обретения грамотности, понеже литература есть дело общественное, но не паркетное».

Накликал, накликал Борис Андреевич и запрещение печататься, и суд, и тюрьму. Только вот на снисхождение зря рассчитывал. Хотя в отношении Лоти («Госпожа Хризантема»), Фэррера («Душа Японии», она же «Битва», и «Прогулка по Дальнему Востоку») и, в гораздо меньшей степени, Келлермана («Страна хризантем») он во многом прав – книги это поверхностные, изобилующие ошибками и благоглупостями, да к тому же отмеченные презрением «белых» к «азиатам». Последнее особенно характерно для Лоти, которому за «Госпожу Хризантему» блестяще отомстил Акутагава Рюносукэ рассказом «После

банкета». В нем иностранцы, увиденные глазами «госпожи Хризантемы», выглядят не менее комично и нелепо, чем японцы и японки у Лоти.

Но Пильняк не ограничился любителями экзотики и мэтрами «колонияльного романа». «Вместе с этими писателями следовало бы на скамью подсудимых посадить и глубокоуважаемых ученых исследователей порядка профессора Е. Г. Спальвина и Лафкадио Хэрна и прочих, многим известных, путающих по учености своей, к примеру, за изучением какой-нибудь тысячелетней Мурасаки Сикибу, тысячелетия с сегодняшним днем и, кроме этой Мурасаки Сикибу, ничего не знающих толком».

Тут не обойтись без более подробных комментариев.

Сын ирландца и гречанки, Лафкадио Херн (сейчас эту фамилию принято записывать именно так) приехал в Японию в 1890 г. уже известным писателем и журналистом, влюбился в эту страну и остался в ней навсегда. Он принял японское имя «Коидзуми Ягумо» (оно выбито на его надгробии на токийском кладбище Дзосигая), женился на японке и полностью погрузился в мир «новой родины», где провел последние 14 лет жизни. Лучшие книги Херна написаны именно о Японии. Более того, из его обширного литературного наследия (16 томов посмертного собрания сочинений) только они выдержали испытание временем и постоянно перепечатываются до сих пор; если переиздается что-то другое, то это не более чем отблеск славы «Херна, писавшего о Японии». В России его книги о Японии переводили еще до революции, так что Пильняк наверняка читал их. Однако он называет их автора «ученым», что, по меньшей мере, выглядит странно. Херн был писателем и эссеистом, претендовавшим на интерпретацию Японии, но никак не на ее академическое изучение.

В отличие от Херна, Евгений Генрихович Спальвин (1872–1933) был ученым академического типа и потомственным лингвистом (его отец – автор первой латышской грамматики). Выпускник восточного факультета Петербургского университета, Спальвин стал одним из первых профессиональных японоведов в нашей стране, жил и работал в Японии еще до русско-японской войны, потом перебрался во Владивосток, где был профессором Восточного института. Для своего времени Спальвин был уникальным знатоком японского языка, как в теории, так и на практике, оставив ряд ценных научных работ, учебников, пособий и хрестоматий. По воспоминаниям современников, он отличался трудным характером, но у него можно было многому научиться. Кто хотел – тот учился¹⁰.

Совершенно несправедлив и упрек в том, что Спальвин, кроме Мурасаки Сикибу – прославленной писательницы средневековья, автора

¹⁰ О Спальвине: Алтаев В. М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988, с. 28–35; Кочешков Н. В. Восточный институт во Владивостоке (1899–1920 гг.) и его профессора. Владивосток, 1999, с. 55–60.

«Повести о Гэндзи» – ничего в Японии не знал. Спальвин был знатком именно современности: среди его работ не только «Октограммная система изучения катаканы», но и «Первое мая 1923 года в Японии». С установлением дипломатических отношений в 1925 г. Евгения Генриховича пригласили работать в Токио переводчиком полпредства и одновременно представителем ВОКС (последние два года жизни, 1931–1933 гг., он жил в Харбине и работал в советской администрации КВЖД).

Сказанное в отношении Спальвина звучит кошунственно, во-первых, потому что тот уже умер, а во-вторых, потому что именно он консультировал Пильняка по многим вопросам во время первой поездки: в нескольких местах «Корней» видим примечания: «Абзац написан по справке профессора Е. Г. Спальвина», хотя личные отношения между ними не сложились. Что касается пожелания посадить ученых «на скамью подсудимых», то и оно вскоре сбылось с устрашающей буквальностью: в конце 30-х годов почти все советские японисты пошли под расстрел, в лагеря и тюрьмы как «японские шпионы». Та же участь ждала и самого Бориса Андреевича...

Спальвин консультировал Пильняка в специфической области японской эротики, включая проституцию. Глава «Корней» «Йосивара, ойран, гейши» вызвала особое негодование Плетнера, а Сапожникову нечего было возразить в защиту автора. Она начинается впечатляющей фразой: «Я был в публичных домах и притонах – Москвы, Берлина, Лондона, Константинополя, Смирны, Шанхая». Современники писателя не удивлялись, потому что пристрастие Пильняка к такой тематике было общеизвестным, а его книги, хотя и с боями, но прорывались через рогатки бдевшего за «коммунистической нравственностью» Главлита. «Мне самому претит пильняковская манера выражаться, – говорилось в одном из писем наркома Луначарского цензору Лебедеву-Полянскому, – но все же надо быть очень осторожным с применением выражения “порнография” к писателям, заведомо обладающим художественным талантом». Переиздавая «Корни» в собрании сочинений три года спустя, автор заменил «был» на «осматривал». Но суть-то от этого не изменилась.

«Камни и корни» тоже отдали дань теме эротики и проституции – но исключительно в плане социальной критики. «Действительно, женщины в Японии до сих пор пребывают средневековым обиходом бесправия». В «Корнях» есть жесточайшая фраза непонимания и жестокости, за которую только стыдно, о том, что – «...часть женщин идет в Йосивару по призванию, по склонности, других туда продают отцы и мужья, – потом, выйдя из Йосивары, эти женщины или выходят замуж, или возвращаются к своим мужьям...” “По призванию” туда женщины

идут так же, как “по призванию” занималась проституцией Соня Мармеладова»¹¹.

За самобичеванием стоит очень многое. Это не просто очередная «самокритика», которой власти время от времени требовали едва ли не от каждого советского писателя. Это – важный эпизод имиджевой войны. Эпизод имиджмейкинга, точнее имиджбрейкинга, – еще один удар по японскому мифу, по красивой легенде о Ёсиваре, к популяризации которой в России приложил руку и Пильняк. В новой книге он много пишет о политике и экономике, чехарде кабинетов, могуществе Тайного совета и прочих «феодалов и мракобесов», тяжелом положении деревни, каторжном труде ткачих... и многих других вещах, о которых можно было прочесть в агитпроповских и коминтерновских брошюрах. Для того чтобы написать «Камни и корни», видеть это все было необязательно. Хотя это действительно была другая Япония – пережившая мировой экономический кризис 1929–1932 гг. и вступившая в полосу «чрезвычайного времени» с началом оккупации Маньчжурии Квантунской армией в сентябре 1932 г. Обострились и советско-японские отношения. К моменту выхода книги они обострились еще больше!

«Камни и корни» опровергали и, так сказать, отменяли «Корни японского солнца». Правда, делали это своеобразно – путем обильного, не абзацами, но страницами, цитирования осужденной книги. Отказываясь от нее, Пильняк приводит примерно треть «вредного» текста! Самое интересное, что в ряде случаев, как показала Д. Савелли, цитаты из «Корней» переписаны заново, «малодушно и одновременно гениально фальсифицированы»: «Если в «Корнях и камнях» Пильняк и не демонстрирует своей готовности признать XX век веком Ленина, то все же он не называет его больше «веком Толстого» (один из упреков Плетнера – В. М.). Чтобы представить Россию в более благоприятном свете, он убирает упоминание о публичных домах и притонах Москвы... Но Пильняк не ограничился исправлениями и изъятием отдельных отрывков. Он пошел дальше... Текст перестраивался в соответствии с нормами *pretendующего на объективность* (выделено мной – В. М.) изложения». Это у такого-то субъективиста как Пильняк...

«Не было ли то крайней мерой, отчаянной попыткой еще раз опубликовать редакцию 1927 г., авторской уловкой ради ее сохранения?» – задает вопрос исследователь (Савелли, с. 242–243). Возможно, именно так и было. Возможно, «авторская уловка» заключалась в другом – Пильняку просто не хотелось писать о Японии так, как от него требо-

¹¹ Теория, согласно которой некоторые женщины являются «проститутками от рождения», разработана в конце XIX в. итальянским психиатром Ч. Ломброзо в книге «Женщина (–) преступница и проститутка»; пользовалась определенной популярностью в России, отразившись, например, в повести А. И. Куприна «Яма».

вали теперь. От него ждали полноценную книгу, а не просто очерк – другой, да и вопрос гонорара, полагаю, играл не последнюю роль. «Камни и корни» были напечатаны трижды: в 1933 г. – журналом «Новый мир», в 1934 г. – издательством «Советская литература» и в 1935 г. – издательством «Художественная литература». В последние годы перед арестом Пильняка вообще издавали много: в 1935–1936 гг. вышли два сборника малой прозы «Избранные рассказы» и «Рождение человека» и роман «Созревание плодов».

Однако и здесь не обошлось без «закавыки». «Новый мир» внезапно приостановил публикацию, возобновив ее только после личного обращения автора к Сталину. Годом позже вождем велел Кагановичу и Жданову ввести Пильняка в правление Союза советских писателей и категорически выступил против кандидатуры Л. Л. Авербаха, бывшего лидера Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и одного из главных гонителей Пильняка¹². Сталин понимал, как можно использовать популярного и лояльного «попутчика», ненавистного «пролетарским» ортодоксам. Любопытно, что в последнем были едины и отечественные, и японские «рапповцы»: «маленький Авербах» Курахара Корэхито, критик-догматик, учивший поэтов и беллетристов, как им надлежит «отображать действительность», обмолвился в печати, что был бы рад исчезновению Пильняка с горизонта советской литературы.

Но «исчезать» добровольно Борис Андреевич не собирался. Он хотел присутствовать в советской литературе, ежегодно выпускаемая новые книги. Рукопись «Камней и корней» для второго издания «состоит из листов бумаги с наклеенными (иногда в ином порядке) страницами из книги 1934 г. Из этого следует, что, работая над новой редакцией, автор лишь вычеркивал отдельные фразы из старого издания и наскоро “монтировал” новый текст» (Савелли, с. 244). Как выглядит рукопись первого издания «Камней» я не знаю, но полагаю, что там тоже не обошлось без «расклейки».

Достоин упоминания и тот факт, что под первым и вторым изданиями стоят разные даты: соответственно «Лавна, Кольский фьорд. 4 января – 8 февраля 1933 г.» (стало быть, писалась всего чуть больше месяца) и «Улица Правды, май 1935 г.». Заманчиво предположить, что «само название улицы, где автор завершил свой труд должно было придать книге эмблематическую достоверность» (Савелли, с. 244). На самом деле все проще: 2-я улица Ямского поля была переименована в улицу «Правды» в честь находившейся на ней редакции одноименной партийной газеты, но со временем кавычки в названии отпали. Знаю это хорошо, потому что сам жил на той же улице.

А вот еще одно «пересечение» с Борисом Андреевичем. Окна моей токийской квартиры выходят на храм Сэнгакудзи, где покоится прах

47 верных ронинов. Пильняк был в Сэнгакудзи во время первого приезда в Японию и описал этот визит в «Корнях» (ходил ли он туда в 1932 г., не знаю): «Там у могил я не смог долго быть, у меня стала кружиться голова от дыма сандаловых курений, тлеющих перед каждой могилой, от этого синего дыма, которым очень пахнет Япония и от которого следует – на мой нос – задыхаться... там накопил лубков, изданных в память этих обоженных людей, ставших в понятии национального геройства в ряд с маршалом Ноги».

Сэнгакудзи и сегодня выглядит примерно так же. Разве что дым от курений не стоит столбом, потому что посетителей меньше, в основном старички и старушки из разных префектур Японии. Но лавочки – одна с гордостью сообщает, что основана в 1887 г. – по-прежнему торгуют сувенирами с изображениями 47 ронинов. Иностранцев японские туристические фирмы туда не водят, как не водят и в музей генерала (Пильняк неверно называет его маршалом) Ноги Марэсукэ, который советский гость тоже посетил и описал.

Ноги – любимый герой националистов. Он взял Порт-Артур и был воспитателем будущего императора Сёва, а в день похорон своего сюзерена императора Мэйдзи в 1912 г. вместе с женой сделал себе *сэнтуку* (Пильняк, в соответствии с европейской традицией, использует до сих пор более привычное, но не совсем верное слово «харакири»). За общим абрисом героя и верного самурая не видно многого другого: неудавшейся военной карьеры, скандалов, увольнения в запас, бессмысленной осады Порт-Артура, в ходе которой генерал потерял двух сыновей, и, наконец, предательства генерала А. М. Стесселя, сдавшего врагу боеспособную крепость. Но сейчас речь не об этом. Пильняк был поражен увиденным: «Быль жизни маршала Ноги и его смерть – суть экстракт понятий японского народа о чести и правильности жизни, – маршал Ноги – национальный герой, патриот и гражданин своей родины. Обстановка его дома, тот быт, в котором он жил, – до аскетизма просты: и до аскетизма проста его смерть, ставшая над смертью... Я ушел из дома Ноги, из парка, где приютился храм его имени (Ноги-дзиндзя – В. М.), – малость обалделым». Замечу, что такое же впечатление дом, который можно осмотреть только снаружи, заглядывая в окна, и храм, посвященный его памяти, производят и сегодня – вне зависимости от «плюсов» и «минусов» личности самого генерала.

Приведенный пассаж, действительно, мог принадлежать перу – точнее, кисти – японского «ура-патриота». Именно к нему прицепился Плетнер, не забыв напомнить, что Ноги – «любимый герой японских черносотенцев». Тем не менее, в «Камни и корни» вошли оба фрагмента, кроме фразы: «Я ушел из дома Ноги... малость обалделым». Но критики и цензоры не знали, что 31 марта 1926 г. «Осака Асахи» напечатала статью Пильняка о генерале, где были такие фразы (обратный перевод

¹² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 465–466.

с японского, так как оригиналы статей Пильняка для японских газет не сохранились):

«Эпоха Мэйдзи, когда японцы прикладывали величайшие усилия, чтобы понять европейскую цивилизацию, была революционной эпохой для Японии. Осуществление японской революции затрагивало глубинные представления японского народа. Таким образом, не подлежит сомнению, что генерал Ноги тоже был революционером... Я испытываю чувство глубочайшего уважения к генералу Ноги. Сила духа великих национальных героев, патриота и величайшего гражданина своей страны генерала Ноги вызывает чувство глубочайшего уважения... Я думал о японце генерале Ноги так, словно я сам стал одним из японцев. На самом деле, его смерть и вся его жизнь – правдивая иллюстрация выплавки японского национального характера» (Савелли, с. 141–142).

Прочитав это впервые, я был поражен. Такого не мог позволить себе ни один советский писатель, ни до, ни после Пильняка. Хорошо, что номер газеты не попал на глаза никому из бдительных товарищей, знающих японский язык. Тогда судьба Бориса Андреевича могла бы быть много печальнее. Потому что, по законам военного времени, это – участие в имиджевой войне на стороне противника.

Была ли закономерной гибель «японского шпиона» Пильняка в годы Большого Террора? Слишком деликатный вопрос для легкомысленного ответа. После XX съезда КПСС Леонид Леонов приехал в Югославию, и тамошние писатели спросили его, за что расстреляли Пильняка? Говорят, Леонид Максимович ответил, что это чистая случайность – с той же степенью вероятности перед ними мог стоять Пильняк и отвечать на вопрос, за что расстреляли Леонова...¹³.

Произведения Б. Пильняка:

Корни японского солнца. Ким Р. Ноги к змее. Глоссы. Л., 1927.

Корни японского солнца. Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004.

Камни и корни. М., 1934; 1935.

Мне выпала горькая слава... Письма 1915–1937. М., 2002.

Анимэ: вчера, сегодня, завтра

Е. Л. Катасонова

Сегодня трудно найти человека в России, будь то ребенок или взрослый, кто никогда не слышал бы слово «анимэ» или же не видел на экранах кинотеатров, домашних телевизоров или на дисплее компьютеров ярких и самобытных, а потому легко запоминающихся героев японских анимационных фильмов. При этом всегда существовали те, кому нравится японская анимация, и те, кто просто отвергает ее как искусство. И хотя после блистательной победы «Унесенных призраками» на международных кинофестивалях и успешного проката «Инстеллер-5555» в кинотеатрах, интерес к этому искусству в последние годы резко возрос, на форумах в Интернете не прекращаются ожесточенные споры по поводу преимуществ японских и американских анимационных фильмов.

У японского слова «анимэ» тот же корень, что у его американского аналога – «анимация». На этом, пожалуй, сходство и заканчивается. Что помешало японцам позаимствовать слово анимация целиком, как это часто они делали с другими английскими словами? Скорее всего, – сама суть явления или отношение к нему. Они изменили американский термин «анимация» («animation»), что буквально означает «одушевление», на «анимэ», что ближе всего к латинскому корню «anima» – душа.

Возможно, это – далеко не научное объяснение происхождения этого мирового художественного феномена, но оно достаточно образно и точно передает его суть. В отличие от коммерческих американских лент японская анимация, почти всегда балансирующая на грани детской сказки и взрослой реальности, несет в себе мощный духовный заряд. Японские фильмы переносят нас в иные или просто вымышленные миры, позволяют заглянуть в будущее нашей планеты или же наоборот вернуться в далекое прошлое, но при этом всегда побуждают своих зрителей к серьезным эмоциональным переживаниям и философским раздумьям о смысле человеческой жизни: о добре и зле, о силе и слабости, о верности и предательстве и т.д.

Думается, что именно благодаря этой своей особенности японская анимация нашла своих приверженцев – «фэнов» по всему миру, и слово «анимэ» прочно вошло в международный лексикон, сделав Японию признанным мировым лидером в этой области культурной индустрии. Сегодня 60% всей мировой анимации создается в Японии, что одинаково успешно реализуется как на внутреннем, так и на международном

¹³ Fisher Louis. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941, N.Y., 1969. p. 300.